

# Политические связи крупных предпринимателей в ресурсном секторе экономики России: от качественного анализа к количественным исследованиям

Левин Сергей Николаевич

Кемеровский государственный университет, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия  
e-mail: levin.sergey.n@gmail.com

Саблин Кирилл Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Российский государственный институт сценических искусств  
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: sablin\_ks@mail.ru

Кислицын Дмитрий Викторович

Кемеровский государственный университет, Россия, e-mail: dmitry.v.kislitsyn@gmail.com

**Цитирование:** Левин С.Н., Саблин К.С., Кислицын Д.В. (2023). Политические связи крупных предпринимателей в ресурсном секторе экономики России: от качественного анализа к количественным исследованиям. *Terra Economicus* 21(4), 6–24. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-6-24

*Представленная статья базируется на методологических подходах новой политической экономии. В его рамках крупные предприниматели рассматриваются как экономические акторы, реализующие свои интересы не только на экономических, но и на политических рынках. Политические акторы в лице субъектов принятия политических и административных решений осуществляют свои как «публичные», так и «частные» интересы во взаимодействии с представителями крупного бизнеса. Мировой опыт показывает, что ведение сколько-нибудь серьезного бизнеса в ресурсном секторе без обладания политическими связями практически невозможно. Речь идет как о максимизации текущих коммерческих результатов, так и о росте стоимости активов в долговременном периоде. В статье раскрыты формы, которые принимают политические связи в странах с разной институциональной средой, и механизмы, через которые фирмы получают выгоды от них. Политические связи имеют значение не только в странах с низким уровнем дохода и уровнем дохода ниже среднего, но и в странах с высоким уровнем дохода. Проведена количественная оценка политических связей крупных предпринимателей в ресурсном секторе экономики России, включающем черную и цветную металлургию, добычу нефти и газа, химическую отрасль, деревообработку и угледобычу. Мы обнаружили, что несмотря на то, что политические связи положительно влияют на уровень активов, данный эффект не зависит от того, рассматривается ресурсный или нересурсный сектор экономики. Данный результат подтверждает мировую практику с учетом особенностей ресурсного сектора – его ключевую роль в наполнении федерального бюджета и в экспорте. Подтверждение состоит в том, что в России функционирование любого крупного бизнеса невозможно без политических связей. Решающим фактором при этом является размер бизнеса, а не его отраслевая принадлежность.*

**Ключевые слова:** российская экономика; ресурсный сектор; крупные предприниматели; политические связи; качественный анализ; количественные исследования

**Финансирование:** Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-28-00717 «Политические связи крупных предпринимателей и формирование анклавов богатства в ресурсном секторе экономики России»

# Political connections of top entrepreneurs in the resource sector of the Russian economy: From qualitative analysis to quantitative studies

Sergey N. Levin

Kemerovo State University, Financial University, Moscow, Russia, e-mail: levin.sergey.n@gmail.com

Kirill S. Sablin

Kemerovo State University, Russian State Institute of Performing Arts, Saint-Petersburg, Russia  
e-mail: sablin\_ks@mail.ru

Dmitry V. Kislitsyn

Kemerovo State University, Russia, e-mail: dmitry.v.kislitsyn@gmail.com

**Citation:** Levin S.N., Sablin K.S., Kislitsyn D.V. (2023). Political connections of top entrepreneurs in the resource sector of the Russian economy: From qualitative analysis to quantitative studies. *Terra Economicus* 21(4), 6–24 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-6-24

*We provide a quantitative assessment of the political connections of top entrepreneurs in the resource sector of the Russian economy. The study applies the methodology of New Political Economy. Top entrepreneurs are considered as economic actors pursuing their interests not only on economic but on political markets as well. Political actors, represented by political and administrative decision-making persons, are motivated both by “public” and “private” goals when interacting with the representatives of “big business”. Common practice shows that running any serious business in the resource sector without political connections is almost impossible. This is about maximizing current commercial results as well as increasing the value of assets in the long term. We reveal various forms that political connections take in the countries with different institutional environments, along with the mechanisms through which firms benefit from them. Political connections matter not only in low- and lower-middle-income economies, but also in high-income countries. Our analysis involves data on private entrepreneurs from ferrous and non-ferrous metallurgy, oil and gas production, chemical industry, woodworking and coal mining. The results indicate that although political connections have a positive effect on asset value, but this effect does not differ across industries. In other words, there is no reason to assert that they play a greater role in the resource sector than in the non-resource sector. This result can be explained with the fact that in Russia the running of any big business is impossible without political connections. The crucial factor is the size of the business and not its industry affiliation.*

**Keywords:** Russian economy; resource sector; top entrepreneurs; political connections; qualitative analysis; quantitative studies

**Funding:** The article is supported by Russian Science Foundation grant № 22-28-00717 «Political connections of top entrepreneurs and enclaves of wealth building in the resource sector of the Russian economy»

**JEL codes:** O43; P51

## Введение

Политические связи крупных предпринимателей играют ключевую роль в обеспечении эксклюзивного доступа к факторам производства, прежде всего – природно-минеральным и энергетическим ресурсам. Поэтому, как показывает мировой опыт (Brown, 2018; Frederiksen, 2019; Hilson, 2019), ведение сколько-нибудь серьезного бизнеса в ресурсном секторе без обладания политическими связями практически невозможно. В рамках нашей работы мы рассматриваем аккумуляцию и применение политических связей как фактор накопления богатства крупными российскими предпринимателями. Речь идет как о максимизации их текущих коммерческих результатов, так и о росте стоимости активов в долговременном периоде.

Представленное исследование базируется на методологических подходах новой политической экономии. В его рамках крупные предприниматели рассматриваются как экономические акторы, реализующие свои интересы не только на экономических, но и на политических рынках. В то же время, политические акторы в лице субъектов принятия политических и административных решений реализуют свои интересы, как «публичные», так и «частные», во взаимодействии с представителями крупного бизнеса. Такое исследование приобретает институциональный характер. Мы интегрируем модели и инструменты оригинального институционализма и новой институциональной экономической теории при приоритете последней. С точки зрения применения подходов оригинального институционализма исследование заключается в проведении качественного анализа поведения и взаимодействия экономических и политических акторов в процессе накопления и эксплуатации политических связей в ресурсном секторе экономики России. Приоритет подхода новой институциональной экономической теории предполагает переход от качественного анализа к количественным исследованиям.

Данная статья опирается на материалы ранее проведенных исследований. При этом осуществляется переход к тестированию и применению количественных моделей, позволяющих оценить влияние политических связей на темпы роста активов крупных предпринимателей в ресурсном секторе экономики России.

Предметом исследования являются политические связи крупных предпринимателей в ресурсном секторе экономики России как фактор максимизации текущих коммерческих результатов и роста стоимости активов в долговременном периоде.

Цель статьи заключается в проведении количественной оценки влияния политических связей на рост стоимости активов крупных предпринимателей в ресурсном секторе экономики России.

## Политические связи крупных предпринимателей: мера и эффекты

Экономическая литература о политических связях компаний и отдельных крупных предпринимателей начала бурно развиваться после появления статьи Р. Фисмана (Fisman, 2001), посвященной эконометрическому анализу того, как слухи об ухудшении здоровья Президента Индонезии Х. Сухарто во время его последнего года у власти влияли на капитализацию фирм с различной степенью политических связей. Анализ показал, что во всех случаях влияние слухов на стоимость акций «политически влиятельных» фирм было значительно выше, чем менее влиятельных. Автор продемонстрировал, что в Индонезии того периода политические связи в большей степени, чем такие фундаментальные показатели как производительность и т.д., являлись главным детерминантом прибыльности, и это искажило инвестиционные решения. Определение политических связей, наиболее часто используемое в экономической литературе, дала М. Фассио (Faccio et al., 2006; Faccio, 2010). Согласно этому определению, компания считается политически влиятельной, если хотя бы один из ее крупнейших акционеров (контролирующих более 10% акций) или топ-менеджеров: (1) является членом парламента, (2) является министром или главой государства, или (3) тесно связан с чиновником высшего ранга (прежде всего, имеются в виду дружеские или родственные связи). М. Фассио продемонстрировала, что политически влиятельные фирмы получают господдержку с гораздо большей вероятностью, чем фирмы, не обладающие политической влиятельностью. Кроме того, политически влиятельные фирмы диспропорционально часто получали помощь со стороны государства в случае, если МВФ или Всемирный банк предоставляли фи-

нансовую поддержку данной стране. В Приложении представлены публикации, посвященные политическим связям крупных предпринимателей и компаний, которые сгруппированы по уровню развития стран в соответствии с классификацией Всемирного банка, а также приведена мера для политических связей и эффект (положительный или отрицательный) от их использования.

В целом, анализ данной литературы позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, политические связи имеют значение не только в относительно бедных и высоко коррумпированных странах. Даже в такой низко коррумпированной стране, как Дания, политическая рента извлекается почти в половине случаев осуществления бюджетных расходов (Amore and Bepedersen, 2013). При этом политические связи не сводятся к коррупции. Личные связи с высшими должностными лицами исполнительной власти могут иметь большое значение даже в стране с сильными демократическими институтами, по крайней мере, во время острого финансового кризиса и повышенной «свободы действий» в политике.

Во-вторых, в различных странах политические связи принимают различную форму. В индустриальных демократиях важнейшей формой политических связей являются пожертвования на политические кампании. В странах с персонализированными политическими режимами ключевую роль играют личные связи с высшим политическим руководством. В странах, где значительная часть государственных расходов осуществляется на местном или региональном уровне, политические связи важны именно на этих уровнях. Чем более централизована политическая система, тем меньшее значение имеют политические связи на местном или региональном уровнях. Роль политических связей различного уровня меняется в процессе политических трансформаций. Так, в России на темпы роста богатства крупных предпринимателей значимо влияли только политические связи на федеральном уровне, что проливает свет на институциональные истоки неформальности в современной российской политике (Grigoriev and Zhirkov, 2020). Еще одной возможной классификацией политических связей является их разделение на отношенческие (длительные личные связи) и транзакционные (обмен услугами, например, финансирование политической кампании в ответ на голосование в интересах компании). В устойчивых политическим системам, и особенно в политических системах персонализированного характера, наиболее прибыльными для фирм оказываются инвестиции в отношенческие политические связи. В ситуации политической неопределенности (например, регулярная сменяемость власти) более выгодными для фирмы оказываются транзакционные политические связи (Arifin et al., 2020).

В-третьих, механизмы, через которые фирмы и крупные предприниматели получают экономические (в т.ч. – коммерческие) выгоды, разнообразны. Политические связи позволяют получать привилегированный доступ к ресурсам, прежде всего к капиталу, как к банковскому финансированию, так и к акционерному (рынок оценивает политически влиятельные фирмы дороже). Кроме того, политические связи позволяют фирмам получать привилегированное положение в случае участия в государственных закупках, а также подвергаться менее строгому регулированию со стороны государства (например, отраслевому регулированию). Фирмы с политическими связями ведут себя более агрессивно в отношении уплаты налогов из-за более низких ожидаемых затрат на обеспечение соблюдения налогового законодательства, обладания большим объемом информации об изменениях в налоговом законодательстве и правоприменении, меньшего давления рынка капитала и большей склонности к риску, вызванной политическими факторами.

Несмотря на обширную экономическую литературу, посвященную политическим связям, исследования их роли в ресурсном секторе относительно немногочисленны. Между тем, ресурсный сектор обладает рядом особенностей, которые усиливают роль политических связей в его функционировании. Страны, обладающие значительными запасами природных ресурсов, получают возможность извлекать значительные сверхдоходы (ренту), что, в свою очередь, обеспечивает их доступ к новейшим технологиям, а также позволяет реализовывать масштабные социальные программы, например, по борьбе с бедностью («ресурсное благословение») (Mehra, 2009; Ploeg van der, 2011; Wang et al., 2021; Yang et al., 2021). С другой стороны, существуют работы, посвященные ресурсному проклятию – феномену отставания в экономическом развитии богатых природно-минеральными и энергетическими ресурсами стран, от стран, которые бедны ими. Одним из наиболее популярных объяснений этого феномена является борьба за политическую ренту (теория политического ресурсного проклятия).

Рассмотрим подробнее данную теорию и выявим значение наличия политических связей у крупных предпринимателей, вовлеченных в хозяйственную деятельность в ресурсном секторе. Ресурсный сектор

включает в себя добывающие отрасли, которые производят сырьевую продукцию (нефть и газ, уголь), и отрасли первого передела, изготавливающие промежуточную продукцию с низкой добавленной стоимостью (черная и цветная металлургия, производство удобрений, химическая промышленность).

### **Политическое ресурсное проклятие и политические связи крупных предпринимателей в ресурсном секторе**

Политическое ресурсное проклятие означает, что богатство природными ресурсами, в первую очередь – нефтью – имеет тенденцию негативно влиять на качество государственного управления (Ross, 2015: 239). В настоящее время имеются убедительные доказательства того, что богатые запасы нефти имеют, по крайней мере, три негативных для экономического развития последствия: позволяют делать авторитарные режимы более долговечными; увеличивают объем определенных видов коррупции; способствуют провоцированию и поддержанию силовых конфликтов в странах с низким и средним уровнем доходов. В то же время, по замечанию ряда исследователей, влияние нефтяного богатства на демократические режимы неоднозначно (Smith 2004; Morrison, 2009; Tsui, 2011). Так, нефть имеет «продемократический эффект» в демократических странах, либо повышая стабильность правительства, либо укрепляя демократические институты, и данный эффект можно охарактеризовать как «стабильность режима», поскольку нефть помогает выжить как демократиям, так и автократиям.

На первый взгляд, нефтяное богатство должно быть благом. Оно дает государствам средства, необходимые для поддержки инклюзивного экономического развития, наращивания государственного потенциала и предотвращения жесткого выбора, связанного с распределением доходов и ресурсов. Существуют свидетельства того, что отдельные страны, исключительно зависящие от добычи и экспорта природно-минеральных ресурсов, тем не менее, смогли успешно укрепить демократию. М. Шмолль и Г. Свенсон на примере Республики Тимор-Лешти показали, что данная страна избежала политического ресурсного проклятия не благодаря существовавшим ранее «хорошим» политическим институтам, «хорошим» институтам управления природными ресурсами или другим благоприятным для демократии условиям, но благодаря идеологическим убеждениям основных политических акторов, их сильной народной легитимности, отсутствию среди них доминирующего актора-гегемона (Schmoll and Swenson, 2023). Эти факторы привели к укреплению демократии, несмотря на сильные стимулы для развития авторитаризма.

Ряд работ, изучающих политическое ресурсное проклятие, посвящен раскрытию механизмов, которые выявляют зависимость «больше нефти – меньше демократии». Наиболее распространенным аргументом является «эффект рантье», когда обильный поток нефтяных доходов позволяет политическим акторам как снижать налоги, так и увеличивать патронаж и производство общественных благ, что позволяет им «подкупить» большие группы населения и потенциальных конкурентов, снизить инакомыслие (Mahdavy, 1970; Crystal, 1990). Важным предположением является то, что налоговые и неналоговые поступления по-разному влияют на авторитарную стабильность. Когда недемократические правительства вводят более высокие налоги (или сокращают субсидии), они часто сталкиваются с требованиями большей подотчетности. Когда же они получают более высокие неналоговые доходы, они могут снизить налоги и, следовательно, смягчить эти требования (Bates and Lien, 1985).

В целом, отдельные (дополнительные) теории связывают нефтяное богатство либо с автократией, либо с властью. Например, богатые нефтью автократы могут вкладывать больше средств в репрессии (Cotet and Tsui, 2013) или увеличивать расходы на армию, чтобы сохранить ее лояльность, если произойдет восстание (Wright et al., 2015). Нефть может помочь недемократическим лидерам получить иностранную поддержку, необходимую им для подавления отдельных политических оппонентов (Rajan, 2011). С другой стороны, фиксированное качество природно-минеральных ресурсов может затруднить политико-экономическим элитам авторитарных государств перевод своих богатств за границу, что способно привести к более решительному противодействию демократическим реформам (Voix, 2003). Нефтяная рента также может стимулировать иммиграцию, что повышает способность правительства блокировать демократические движения (Bearce and Hutnick, 2011).

Рецепты, которые «позволяют» избежать политического ресурсного проклятия, связаны либо с уже существующими качественными институтами управления природно-минеральными ресур-

сами, либо с созданием подобных институтов в будущем. По утверждению И. Амундсен, «страна будет проклята, если, например, открытие месторождений нефти или алмазов произойдет до того, как будут созданы и консолидированы подотчетные и демократические государственные институты» (Amundsen, 2014: 171). В равной степени это относится и к управлению частной собственностью в сфере нефтяной промышленности, и к созданию эффективных, подотчетных, но политически изолированных суверенных фондов благосостояния (Luong and Weinthal, 2010).

Теория политического ресурсного проклятия показывает, как автократические режимы используют (преимущественно) нефтяное богатство для извлечения рентных доходов с целью решения определенного круга политических задач. Однако предметом нашего исследования являются не подобные режимы, а политические связи крупных предпринимателей, ведущих свою коммерческую деятельность в ресурсном секторе и получающих эксклюзивные права на добычу природно-минеральных и энергетических ресурсов. В то же время, мы допускаем, что в рамках политического ресурсного проклятия именно политические связи крупных экономических акторов позволяют укреплять автократические режимы и делать их устойчивыми в течение длительного времени.

Добыча полезных ископаемых требует значительных инвестиций, в том числе для получения прав на землю и проведения геологических работ, освоения новых месторождений. Доступ к месторождениям, как правило, регулируется национальными правительствами, и решение об отзыве лицензии может привести к существенным расходам, уже понесенным компанией. При этом добыча является одним из наиболее капиталоемких видов деятельности, требующих дорогостоящего оборудования и высококвалифицированного персонала. Таким образом, добывающим компаниям нужно балансировать разрыв между инвестициями и производством, что требует доступа как к финансовым ресурсам, так и к политическим связям.

Регулирование загрязнения окружающей среды также является существенным рычагом, который может использоваться национальными правительствами для воздействия на добывающие компании. Гибкое и непоследовательное правоприменение, характерное для развивающихся стран, требует от добывающих компаний значительных инвестиций в защиту от подобного рода действий. Эти инвестиции могут принимать форму как расходов на юридические отделы корпораций, так и инвестиций в политические связи.

С другой стороны, в странах с развитыми экономическими рынками политические связи крупных добывающих компаний отражены в лоббировании своих частных интересов. Например, в Великобритании лоббисты, представляющие «углеводородных» гигантов, неявно помогают манипулировать парламентскими группами по энергетической и климатической политике без прямого присутствия в парламенте<sup>1</sup>. Торговые ассоциации, которые финансируются производителями нефти и газа, включая *Shell*, *BP* и *ExxonMobil*, оказывают административную поддержку и поддержку в связях с общественностью для групп депутатов в британском парламенте. В США щедрые пожертвования со стороны нефтегазового бизнеса в рамках избирательных кампаний позволяют избравшимся членам Конгресса голосовать против повестки сохранения окружающей среды (Goldberg et al., 2020). Более того, чем больше тот или иной член Конгресса проголосует против экологической политики, тем больше пожертвований он получит от нефтегазовых компаний, поддерживающих его переизбрание.

А. Такмизи и Р. Брахмана (Tarmizi and Brahmana, 2022) показали, что крупнейшие мировые нефтедобывающие компании (входящие в *Fortune Global 500*), обладающие политическими связями, демонстрировали более высокую производительность (измеренную как рентабельность), в частности, за счет привилегированного доступа к финансированию. Несмотря на то, что значительная часть нефтедобывающих компаний находится под управлением государства, они также назначали политически влиятельных директоров. Политически влиятельные члены совета директоров позволяют компаниям ресурсного сектора лучше принимать стратегические решения и адаптироваться к меняющимся экономическим и политическим условиям. Т. Коган и Г. Сальганик-Шошан также исследовали феномен политически влиятельных членов советов директоров в государственных нефтяных компаниях. Они показали, что политически влиятельные члены советов директоров являются важнейшим каналом, через который государственные

<sup>1</sup> Das S. Oil and gas firms have unlisted links to Westminster. *The Guardian* <https://www.theguardian.com/politics/2022/feb/20/lobbyists-for-oil-and-gas-companies-shell-bp-exxonmobil> (accessed on October 29, 2023)

нефтяные компании и правительства могут влиять друг на друга (Kogan and Salganik-Shoshan, 2015). Используя данные по 112 государственным нефтяным компаниям из 35 стран, они продемонстрировали, что наличие бывших государственных чиновников в составе советов директоров связано с более высокой прибыльностью фирмы.

Отметим, что национальные нефтяные компании – это крупный бизнес, на долю которого приходится около 80% разведанных мировых запасов нефти. Данные компании имеют решающее значение для мировых поставок энергоносителей. Эти гиганты представляют собой одни из крупнейших компаний в мире, если судить по рыночной капитализации, денежному потоку и инвестициям. Об их методах работы, о том, как они принимают решения об инвестициях и производстве или об отношениях со своими государственными собственниками, информации недостаточно. Однако известно, что они ведут бизнес на основе «политического мандата», часто с множеством долгосрочных целей, широко определяемых и трудно поддающихся количественной оценке (Noreng, 2022). Как правило, этот «мандат» дает национальным нефтяным компаниям свободу действий для реализации своих собственных интересов, помимо интересов государственного собственника. Выступая в роли инвестора, правительства преследуют несколько целей, а не только получение прибыли. Таким образом, высшее руководство национальных нефтяных компаний обладает большей дискреционной властью и рассматривает более длительный временной горизонт, чем их коллеги в частном секторе.

Участие правительств в нефтяных компаниях позволяет им обеспечить лучший контроль над нефтяным сектором по всей цепочке создания стоимости, включая принятие технических и коммерческих решений; проводить политику разведки и добычи ресурсов; контролировать цены на продукцию и осуществлять необходимые субсидии. Иными словами, нефтяные компании получают значительный политический выигрыш от государственного контроля (Tordo et al., 2011: 23).

Несмотря на то, что экономическая литература, посвященная роли политических связей добывающих компаний и крупных предпринимателей в ресурсном секторе, остается относительно немногочисленной, существующие работы подтверждают их высокую значимость как в странах с развивающимися, так и с развитыми экономическими рынками. Отдельную исследовательскую задачу для нас представляет не только качественный анализ политических связей крупных предпринимателей в ресурсном секторе, но и их количественная оценка. Следующий раздел статьи посвящен решению этой задачи.

### **Количественная оценка политических связей крупных российских предпринимателей в ресурсном секторе**

Для анализа изменений в российском ресурсном секторе в 2012–2022 гг. авторами были использованы данные рейтинга журнала *Forbes* «110 российских миллиардеров»<sup>2</sup>. Из списка были выбраны 46 крупнейших российских предпринимателей, обладающих активами в отраслях добычи полезных ископаемых или первичной переработки сырья. Отраслевая структура полученной базы данных представлена в таблице 1.

**Таблица 1**

**Крупные российские предприниматели из ресурсного сектора по отраслям**

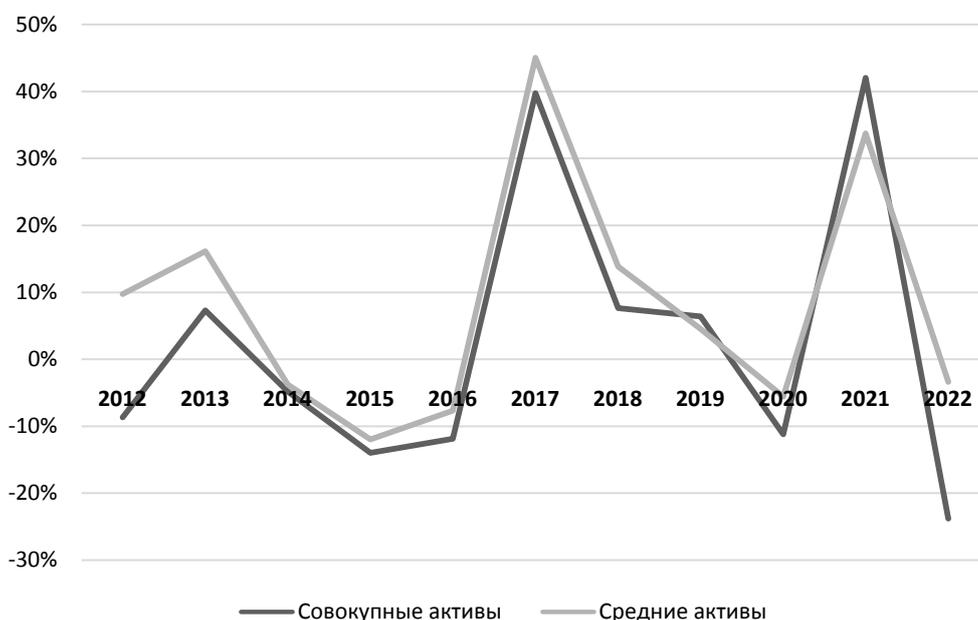
<b>Отрасль</b>	<b>Количество</b>
Металлургия	20
Нефть и газ	15
Химическая	8
Деревообработка	2
Угледобыча	1
<b>Всего</b>	<b>46</b>

*Источник:* составлено авторами на основе рейтинга журнала *Forbes* «110 российских миллиардеров»

<sup>2</sup> 110 российских миллиардеров. *Рейтинг Forbes* – 2023. <https://www.forbes.ru/milliardery/487934-110-rossijskih-milliardero-vejting-forbes-2023> (дата обращения: 15.08.2023)

Большая часть предпринимателей представляют черную и цветную металлургию, затем следует добыча нефти и газа, химическая отрасль, деревообработка и угледобыча. Значительная часть крупнейших российских предпринимателей владеет активами в различных отраслях. Феномен российских бизнес-групп описан в следующих работах (Авдашева, 2004; Паппэ и Галухина, 2009). Предприниматель классифицировался нами по основному активу, т.е. обладающему наибольшей стоимостью в рассматриваемом году. Необходимо отметить, что подобный подход имеет недостатки, так как стоимость активов в значительной степени зависит от ценовой конъюнктуры мировых рынков.

На рисунке представлена средняя и совокупная динамика активов крупнейших российских предпринимателей из ресурсного сектора за рассматриваемый период. Легко увидеть три крупнейших шока, оказавших влияние на российскую экономику и благосостояние крупнейших предпринимателей в данный период: события 2014 г. и последовавшие «точечные» санкции против российского бизнеса со стороны западных стран; пандемия COVID-19, пик которой пришелся на 2020 г.; события 2022 г. с последовавшей масштабной волной антироссийских санкций.



**Рис.** Динамика активов крупнейших российских предпринимателей из ресурсного сектора  
 Источник: построено авторами на основе рейтинга журнала *Forbes* «110 российских миллиардеров»

Показательно, что все три шока в своей основе являются неэкономическими. Можно констатировать, что неэкономические (политические и геополитические) факторы стали определяющими для развития российского ресурсного сектора. Важно отметить, что рисунок 1 не позволяет в полной мере оценить эффект санкций, введенных против российского бизнеса после событий 2022 г. Они в значительной степени были перекрыты высокими ценами на важнейшие сырьевые товары в 2022 г.

События 2014 г. и 2022 г. годов сопровождалась введением западными странами санкций против российской экономики. Они условно могут быть разделены на три категории: (1) персональные санкции, направленные против крупных предпринимателей и членов их семей, (2) санкции, наложенные против отдельных российских компаний, (3) секторальные санкции, введенные против отдельных отраслей российской экономики.

Каждый из видов санкций оказал влияние на активы крупнейших российских предпринимателей. Свое внимание мы фокусируем на персональных санкциях, которые представляют собой, прежде всего, визовые ограничения и блокирование («заморозку») собственности и счетов. Мы полагаем, что против предпринимателя введены персональные санкции, если они были наложены хотя бы одной из следующих юрисдикций: США, Европейский Союз, Великобритания. Мы не учитываем персональные ограничения, введенные другими странами, например, Канадой, Австралией, Польшей или Украиной.

В таблице 2 представлено распределение крупнейших предпринимателей по годам введения против них персональных санкций. Из 46 крупнейших предпринимателей ресурсного сектора персональные санкции были введены против 34. Если в 2014 г. наложение персональных санкций обосновывалось личной близостью крупного предпринимателя к фигуре Президента РФ, то в 2022 г. санкции вводились против «ведущих бизнесменов, занятых в отраслях, приносящих значительные доходы правительству России»<sup>3</sup>.

**Таблица 2**

**Распределение крупных российских предпринимателей ресурсного сектора по году введения против них персональных санкций**

Год введения санкций	Количество крупных предпринимателей, подвергнутых санкциям
2014	2
2018	4
2021	1
2022	24
2023	3
<b>Всего</b>	<b>34</b>

*Источник:* составлено авторами на основе материалов списка *Forbes* разных лет и открытых источников сети Интернет.

В таблице 3 приведена численность крупных предпринимателей по ресурсным отраслям, которые были подвергнуты персональным санкциям западных стран. Отметим, что практически на всех крупных предпринимателей из угольной и химической отрасли были наложены персональные ограничения. В то же время, далеко не все представители нефтегазовой и металлургической отрасли испытали их.

**Таблица 3**

**Численность подвергнутых персональным санкциям крупных предпринимателей по отраслям**

Отрасль	Крупные предприниматели, подвергнутые/не подвергнутые санкциям
Металлургия	15 из 20 (2 в 2018 г., 13 в 2022 г.)
Нефть и газ	11 из 15 (2 в 2014 г., 1 в 2021 г., 8 в 2022 г.)
Химическая	7 из 8 (1 в 2018 г., 3 в 2022 г., 1 в 2023 г.)
Деревообработка	0 из 2
Угледобыча	1 из 1 (в 2023 г.)

*Источник:* составлено авторами на основе материалов списка *Forbes* и открытых источников сети Интернет

Анализируя динамику стоимости активов крупных российских предпринимателей, мы опирались на данные о капитализации активов, которыми данные предприниматели владеют. Рост капитализации стал основным мотивом развития российского крупного бизнеса начиная с 2003–2004 гг. Однако необходимо задать вопрос – останется ли капитализация основным мотивом развития крупного бизнеса в ближайшем будущем. Дело в том, что в условиях интеграции России в мировой финансовый рынок крупнейшие российские предприниматели обладали возможностью продать часть принадлежащих им акций институциональным инвесторам, не теряя контроля над активами. Высокая ликвидность акций крупнейших российских компаний позволяла рассматривать их капитализацию как лучший из возможных способов измерения богатства крупных российских предпринимателей.

<sup>3</sup> Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. *EUR-Lex*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0269-20230728> (accessed on September 14, 2023)

В какой мере функционирование российского ресурсного сектора соотнесено с наличием политических связей у крупных российских предпринимателей? Д. Кислицын показал, что аффилированность с крупнейшими российскими бизнес-группами увеличивала вероятность получения предприятием экономической поддержки со стороны государства в период кризиса 2009 г. (Кислицын, 2013). И. Григорьев и К. Жирков, используя базу данных о политических связях 1000 крупнейших российских предпринимателей за 2003–2010 гг. на основе рейтинга журнала «Финанс» и опираясь на информацию о политических связях крупнейших предпринимателей в СМИ, показали, что активы предпринимателей, обладающих неформальными связями с чиновниками федерального уровня, растут более высокими темпами, чем активы предпринимателей, не обладающих политическими связями и обладающими политическими связями других типов (Grigoriev and Zhirkov, 2020). К. Саблин и Д. Кислицын использовали в качестве прокси политической влиятельности факт наличия введенных против крупного предпринимателя персональных санкций (Sablin and Kislitsyn, 2022).

Результаты свидетельствуют, что группа крупных предпринимателей, подвергнутая санкциям после марта 2014 г., статистически значимо не отличалась от крупных предпринимателей, не подвергнутым санкциям ни по уровню, ни по росту активов. В то же время, индивиды, подвергнутые санкциям после февраля 2022 г., статистически значимо отличаются как от крупных предпринимателей, не подвергнутых санкциям, так и подвергнутых санкциям после марта 2014 г. Уровень их активов был выше, как и темпы роста стоимости активов. Таким образом, можно говорить о наличии достаточно убедительных свидетельств в пользу того, что наличие политических связей определяет более высокие темпы накопления богатства. Однако можно ли говорить о том, что эффект наличия политических связей отличается в зависимости от отрасли? Иными словами, можно ли сказать, что политические связи играют более важную роль в ресурсном секторе экономики? Чтобы ответить на этот вопрос, мы использовали данные из работы И. Григорьева и К. Жиркова, оценив следующую модель:

$$\ln(\text{Assets})_i = \beta_0 + \beta_1(\text{Connection})_i + \sum_{h=1}^H \beta_{2h}(\text{Industry})_{ih} + \sum_{h=1}^H \beta_{3h}(\text{Industry})_{ih}(\text{Connection})_i + \varepsilon_i,$$

где *Connections* – бинарная переменная равна 1, если предприниматель обладает политическими связями на федеральном уровне, 0 – если нет; *Industry* – отрасль, в которой действует предприниматель: 1 – металлургия, 2 – нефть и газ, 3 – химическая отрасль, 4 – энергетика, 0 (базовая категория) – все остальные отрасли.

В таблице 4 представлены результаты оценивания политических связей крупных предпринимателей, исходя из их принадлежности к отрасли ресурсного сектора.

**Таблица 4**

**Политические связи и отрасль: оценки регрессии, общий метод наименьших квадратов**

Переменная	Логарифм активов
Политические связи	0.452*** (0.137)
Металлургия	0.566*** (0.153)
Нефть и газ	0.547*** (0.134)
Химия	0.206 (0.126)
Энергетика	-0.235 (0.277)
Металлургия x Политические связи	-0.251 (0.348)
Нефть и газ x Политические связи	-0.141 (0.308)
Химия x Политические связи	0.339 (0.457)
Энергетика x Политические связи	-0.063 (0.352)
Константа	5.003*** (0.037)
<b>Число наблюдений</b>	<b>3689</b>

3689 наблюдений (человеко-лет), 1035 человек. В скобках представлены робастные стандартные ошибки. Стандартные ошибки кластеризованы на уровне индивидов.

\*p < 0.05, \*\*p < 0.01, \*\*\*p < 0.001.

Источник: расчёты авторов

Результаты оценивания свидетельствуют, что несмотря на то, что политические связи крупных предпринимателей положительно влияют на уровень стоимости активов, данный эффект не различается в зависимости от отрасли. Это означает, что у нас нет оснований утверждать, что политические связи играют большую роль в ресурсном секторе экономики, чем в нересурсном. Иными словами, гипотеза о том, что в силу специфики ресурсного сектора политические связи играют более важную роль в его функционировании, не подтвердилась. Полученный результат может казаться парадоксальным, учитывая особенности ресурсного сектора – его ключевую роль в наполнении федерального бюджета и в экспорте, значительные расходы на геологоразведку и освоение, а также наличие значимых рычагов со стороны государства для оказания влияния на компании ресурсного сектора (например, экологическое регулирование). Возможно, этот результат объясняется тем, что в России функционирование любого крупного бизнеса невозможно без политических связей, при этом решающим фактором является размер бизнеса, а не его отраслевая принадлежность. Надо учитывать, что крупный российский бизнес имеет двухуровневую структуру, в рамках которой компании контролируются интегрированными бизнес-группами (Паппэ, 2000). Соответственно, практически все крупные российские предприниматели имеют активы как в ресурсном, так и в нересурсном секторах экономики.

Проведя количественную оценку политических связей крупных предпринимателей в ресурсном секторе, подтверждающую их общую значимость для ведения сколько-нибудь крупного бизнеса в России, рассмотрим некоторые «последствия» взаимосвязи между добычей сырьевых ресурсов, производством продукции первого передела и политическими связями в отечественной экономике.

### **Политические связи, добыча сырьевых ресурсов и формирование анклавов богатства в экономике России**

В отличие от стран Юго-восточной Азии, которые пошли по пути экспортоориентированного развития, предполагающего производство и экспорт трудоемкой и, позднее, капиталоемкой и наукоемкой продукции, в России соединение внутренней рыночной трансформации со встраиванием в глобальные рынки привело к тому, что конкурентоспособным оказался узкий круг отраслей и компаний преимущественно в экспортно-ресурсном секторе (Levin and Sablin, 2020: 540). Восточноазиатский опыт показывает, что развитие трудоемких отраслей привело к появлению длинных и горизонтальных цепочек создания стоимости (ЦСС). Последующее накопление капитала обеспечило рост капиталовооруженности и переход к капиталоемким отраслям. Сравнивая источники экономического роста четырех «азиатских тигров» и пяти развитых экономик (Германии, Франции, Великобритании, Японии и США), Дж. Ким и Л. Лау показали, что «наиболее важным источником экономического роста для четырех «тигров» являлось накопление капитала, на долю которого приходилось от 48% до 72% их экономического роста, в отличие от «большой пятерки» промышленно развитых стран, в которых технический прогресс сыграл наиболее важную роль, и на его долю приходилось от 46% до 71% их экономического роста» (Kim and Lau, 1994).

В современной России не сформировалась стройная саморегулирующаяся система конкурентных рынков ресурсов, товаров и услуг. Компании и бизнес-группы конкурируют на практически не связанных друг с другом отдельных глобальных и внутренних рынках. При этом активы в ресурсном секторе принадлежат российским крупным предпринимателям, в отличие от ситуации с африканскими и латиноамериканскими странами, в которых собственниками активов и технологий выступали западные транснациональные корпорации (Sunkel, 1972: 519). Встроенность в глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС) открыла доступ к западным финансовым ресурсам, новейшим технологиям проведения геологоразведочных работ и добычи сырья, услугам сервисных компаний, занимающихся технологиями комплексной оценки пластов, строительства скважин, управления добычей и переработки углеводородов.

С другой стороны, крупные предприниматели из ресурсного сектора использовали возможности встроенности в политико-экономические сети российской вертикали власти как инструмент гарантии функционирования бизнеса на территории страны. Наличие индивидуальных политических связей является условием доступа к наиболее значимым экономическим ресур-

сам, определяющим конкурентоспособность российских компаний как на внутренних, так и на глобальных экономических рынках. Сформировавшиеся анклавов богатства – это контролируемые государственными и аффилированными с государством частными компаниями, которые обладают значительными политическими связями, конкурентоспособные на глобальных экономических рынках предприятия из отраслей добывающей промышленности и отраслей, производящих продукцию первого передела.

Данные анклавов богатства формируют поток доходов (ренды), выступающих основным источником прибыли для крупного бизнеса, а также фискальных и квазифискальных платежей для государства. При этом владельцы бизнес-групп в обмен на эксклюзивный доступ к запасам сырьевых ресурсов берут на себя выполнение квазипубличных обязательств по финансированию проектов развития. В наибольшей степени квазипубличные обязательства несут компании, непосредственно контролируемые государством. Примером может служить ПАО «НК Роснефть», которое реализует обширный блок социальных программ, включающих в себя жилищные программы и ипотечное кредитование, негосударственное пенсионное обеспечение, создание оптимальных условий труда и отдыха. Дочерние общества компании нередко являются градообразующими предприятиями, которые берут на себя обязательства по благоустройству улиц и дорог, строительству мостов, ремонту инженерной и транспортной систем, объектов электро- и теплоснабжения, замене оборудования<sup>4</sup>. Беря на себя дополнительные квазипубличные обязательства, ПАО «НК Роснефть» получает дополнительные льготы от государства, связанные, в частности, с освоением новых месторождений углеводородов на шельфе арктических, дальневосточных и южных морей России<sup>5</sup>, которые увеличивают рентабельность деятельности ПАО «НК Роснефти». Например, на конец 2021 г. нефтяная компания владела 52 лицензиями на участки в акваториях арктических, дальневосточных и южных морей России. Ресурсы углеводородов по этим участкам оцениваются в 42 млрд т нефтяного эквивалента.

Субъекты принятия политических и административных решений заинтересованы в максимизации налоговых и квазиналоговых поступлений от деятельности добывающих компаний для реализации «классических» проектов развития, которые выступают инструментом их легитимации в глазах населения. Одной из разновидностей легитимации выступала «либеральная» идея использовать сверхдоходы от добычи и экспорта сырьевых ресурсов для проведения постиндустриальной модернизации (Maу, 2002) и формирования впоследствии системы всевозможных институтов развития с целью запуска экономического роста, основанного на инновациях.

Таким образом, спецификой положения российских бизнес-групп, контролирующих анклавов богатства в ресурсном секторе, является сочетание эксклюзивных преимуществ, получаемых внутри страны благодаря высокому статусу в рамках вертикали власти, с достаточно жестким конкурентным давлением в рамках ГЦСС. В настоящее время персональные и секторальные санкции вынуждают крупных российских предпринимателей выстраивать новые цепочки, связанные с импортозамещением. В этой связи возникают, на наш взгляд, две базовые альтернативы. Первая связана с поиском новых партнеров из дружественных стран (Китай, Индия, страны Африки) при сохранении коротких и вертикальных цепочек создания стоимости. Вторая альтернатива предполагает перенос отдельных звеньев ГЦСС на внутренние рынки при их удлинении и последующей «горизонтализации». Представляется, что выбор альтернативы зависит от сопоставления возможных выгод и издержек, а также возможности получить наибольшую отдачу от использования политических связей при выстраивании цепочек импортозамещения.

## Заключение

Мы провели качественный анализ политических связей крупных предпринимателей. Были измерены эффекты от их использования в странах с разной институциональной средой, а также осуществили количественную оценку этих связей в ресурсном секторе экономики России. Политически связи представляют собой уникальный ресурс, который позволяет отдельным предпринимателям получать эксклюзивный доступ к факторам производства и повышает их кон-

<sup>4</sup> «Роснефть» сегодня. *Роснефть*. <https://www.rosneft.ru/about/Glance/> (дата доступа: 30.10.2023)

<sup>5</sup> Шельфовые проекты. *Роснефть*. <https://www.rosneft.ru/business/Upstream/offshore/> (дата доступа: 30.10.2023)

курентные преимущества на экономических рынках сырьевых товаров и продукции первого передела. Необходимо отметить, что они имеют значение не только в относительно бедных, но и в благополучных странах с развитыми рынками.

Для выявления значимости политических связей в ресурсном секторе нами была рассмотрена теория политического ресурсного проклятия, которая показывает, что рентные доходы, в первую очередь – от эксплуатации нефтяного богатства – идут на решение политических задач удержания автократической власти. В этом смысле политические связи экономических субъектов могут способствовать консервации существующих режимов, которые предоставляют эксклюзивные права для добычи углеводородов. С другой стороны, добыча полезных ископаемых требует значительных инвестиций, в том числе в получение прав на землю и проведение геологических работ, освоение новых месторождений. Добывающим компаниям нужно балансировать разрыв между инвестициями и производством, что требует доступа как к финансовым ресурсам, так и к политическим связям. Частным случаем использования политических связей крупным бизнесом выступает наличие значительной дискреционной власти у государственных менеджеров, работающих в национальных нефтяных компаниях, которые являются одними из крупнейших компаний в мире по рыночной капитализации, денежному потоку и инвестициям.

Отдельная задача исследования заключалась в проведении количественной оценки политических связей крупных предпринимателей в ресурсном секторе экономики России. Полученные результаты свидетельствуют, что несмотря на то, что политические связи положительно влияют на уровень стоимости активов, данный эффект не различается по отраслям. Иными словами, нет оснований утверждать, что политические связи играют большую роль в ресурсном секторе экономики, чем в нересурсном. Полученный результат подтверждает мировую практику, учитывая особенности ресурсного сектора – его ключевую роль в формировании доходов федерального бюджета и в экспорте. Подтверждение состоит в том, что в России функционирование любого крупного бизнеса невозможно без политических связей, и решающим фактором при этом является размер бизнеса, а не его отраслевая принадлежность.

Политические связи крупных предпринимателей позволяют «консервировать» анклавы богатства в ресурсном секторе и гарантируют извлечение рентных доходов. В то же время, анклавы богатства косвенно выступают источником налоговых и квазиналоговых платежей для государства, которое оно использует с целью реализации «классических» проектов развития. В настоящее время персональные и секторальные санкции вынуждают крупных российских предпринимателей выстраивать новые цепочки импортозамещения. Возникают две альтернативы. Первая связана с поиском новых партнеров из «дружественных» стран при сохранении коротких и вертикальных цепочек создания стоимости, вторая же предполагает перенос отдельных звеньев ГЦСС на внутренние рынки при их удлинении и развитии национальных производств.

## Литература/References

- Авдашева С. (2004). Бизнес-группы в российской промышленности. *Вопросы экономики* 5, 121–134. [Avdasheva, S. (2004). Business groups in the Russian industry. *Voprosy Ekonomiki* 5, 121–134 (in Russian)].
- Кислицын Д.В. (2013). Политика господдержки предприятий в период кризиса 2008–2009 гг.: критерии отнесения к «системообразующим». *Вопросы экономики* 6, 84–99. [Kislitsyn, D. (2013). Government support policy of the Russian enterprises during the 2008–2009 crisis: Criteria of treating the companies as “strategic”. *Voprosy Ekonomiki* 6, 84–99 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-6-84-99
- Мау В. (2002). Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития. *Вопросы экономики* 7, 1–22. [Maу, V. (2002). Post-communist Russia in post-industrial world: The problems of catch-up development. *Voprosy Ekonomiki* 7, 1–22 (in Russian)].
- Паппэ Я.Ш. (2000). «Олигархи»: Экономическая хроника, 1992–2000. М.: ГУ – ВШЭ. [Pappe, Ya. (2000). «Oligarchs»: *Economic Chronicle, 1992–2000*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].

- Паппэ, Я.Ш., Галухина, Я.С. (2009). *Российский крупный бизнес: первые 15 лет*. М.: Изд-во ГУ – ВШЭ. [Pappe, Ya., Galukhina, Ya. (2009). *Russian Big Business: First Fifteen Years*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Acemoglu, D., Johnson, S., Kermani, A., Kwak, J., Mitton, T. (2016). The value of connections in turbulent times: Evidence from the United States. *Journal of Financial Economics* **121**(2), 368–391. DOI: 10.1016/j.jfineco.2015.10.001
- Amore, M., Bennedsen, M. (2013). The value of local political connections in a low-corruption environment. *Journal of Financial Economics* **110**(2), 387–402. DOI: 10.1016/j.jfineco.2013.06.002
- Amundsen, I. (2014). Drowning in oil: Angola’s institutions and the “resource curse”. *Comparative Politics* **46**(2), 169–189. DOI: 10.5129/001041514809387333
- Arifin, T., Hasan, I., Kabir, R. (2020). Transactional and relational approaches to political connections and the cost of debt. *Journal of Corporate Finance* **65**, 101768. DOI: 10.1016/j.jcorpfin.2020.101768
- Bates, R., Lien, D. (1985). A note on taxation, development, and representative government. *Politics & Society* **14**(1), 53–70. DOI: 10.1177/003232928501400102
- Bearce, D., Hutnick, J. (2011). Toward an alternative explanation for the resource curse: Natural resources, immigration, and democratization. *Comparative Political Studies* **44**(6), 689–718. DOI: 10.1177/0010414011401211
- Bertrand, M. et al. (2018). The Cost of political connections. *Review of Finance* **22**(3), 849–876. DOI: 10.1093/rof/rfy008
- Boix, C. (2003). *Democracy and Redistribution*. New York: Cambridge University Press.
- Brown, R. (2018). Political activities of oil & gas firms in the United States. *Energy Sources, Part B: Economics, Planning, and Policy* **13**(6), 291–300. DOI: 10.1080/15567249.2018.1477867
- Carretta, A., Farina, V., Gon, A., Parisi, A. (2012). Politicians “on board”: Do political connections affect banking activities in Italy? *European Management Review* **9**(2), 75–83. DOI: 10.1111/j.1740-4762.2012.01032.x
- Claessens, S., Feijen, E., Laeven, L. (2008). Political connections and preferential access to finance: The role of campaign contributions. *Journal of Financial Economics* **88**(3), 554–580. DOI: 10.1016/j.jfineco.2006.11.003
- Cotet, A., Tsui, K. (2013). Oil and conflict: What does the cross country evidence really show? *American Economic Journal: Macroeconomics* **5**(1), 49–80. DOI: 10.1257/mac.5.1.49
- Crystal, J. (1990). *Oil and Politics in the Gulf: Rulers and Merchants in Kuwait and Qatar*. New York: Cambridge University Press.
- Duchin, R., Sosyura, D. (2012). The Politics of Government Investment. *Journal of Financial Economics* **106**(1), 24–48. DOI: 10.1016/j.jfineco.2012.04.009
- Faccio, M. (2010). Differences between politically connected and nonconnected firms: A cross-country analysis. *Financial Management* **39**(3), 905–928. DOI: 10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x
- Faccio, M., Masulis, R., McConnell, J. (2006). Political Connections and Corporate Bailouts. *The Journal of Finance* **61**(6), 2597–2635. DOI: 10.1111/j.1540-6261.2006.01000.x
- Fisman, R. (2001). Estimating the value of political connections. *American Economic Review* **91**(4), 1095–1102. DOI: 10.1257/aer.91.4.1095
- Fisman, R., Wang, Y. (2015). The mortality cost of political connections. *The Review of Economic Studies* **82**(4), 1346–1382. DOI: 10.1093/restud/rdv020
- Frederiksen, T. (2019). Political settlements, the mining industry and corporate social responsibility in developing countries. *The Extractive Industries and Society* **6**(1), 162–170. DOI: 10.1016/j.exis.2018.07.007
- Frye, T., Iwasaki, I. (2011). Government directors and business-state relations in Russia. *European Journal of Political Economy* **27**(4), 642–658. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2011.06.003

- Goldberg, M., Marlon, J., Wang, X., Leiserowitz, A. (2020). Oil and gas companies invest in legislators that vote against the environment. *PNAS* **117**(10), 5111–5112. DOI: 10.1073/pnas.192217511
- Goldman, E., Rocholl, J., So, J. (2009). Do politically connected boards affect firm value? *The Review of Financial Studies* **22**(6), 2331–2360. DOI: 10.1093/rfs/hhn088
- Grigoriev, I., Zhirkov, K. (2020). Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010. *Research & Politics* **7**(4), DOI: 10.1177/205316802097943
- Hill, M., Kelly, G., Lockhart, G., Van Ness, R. (2013). Determinants and effects of corporate lobbying. *Financial Management* **42**(4), 931–957. DOI: 10.1111/fima.12032
- Hilson, G. (2019). Why is there a large-scale mining “bias” in sub-Saharan Africa? *Land Use Policy* **81**, 852–861. DOI: 10.1016/j.landusepol.2017.02.013
- Houston, J., Jiang, L., Lin, C., Ma, Y. (2014). Political connections and the cost of bank loans. *Journal of Accounting Research* **52**(1), 193–243. DOI: 10.1111/1475-679X.12038
- Joni, J., Ahmed, K., Hamilton, J. (2020). Politically connected boards, family and business group affiliations, and cost of capital: Evidence from Indonesia. *The British Accounting Review* **52**(3), 100878. DOI: 10.1016/j.bar.2019.100878
- Khwaja, F., Mian, A. (2005). Do lenders favor politically connected firms? Rent provision in an emerging financial market. *The Quarterly Journal of Economics* **120**(4), 1371–1411. DOI: 10.2139/ssrn.631703
- Kim, C., Zhang, L. (2016). Corporate political connections and tax aggressiveness. *Contemporary Accounting Research* **33**(1), 78–114. DOI: 10.1111/1911-3846.12150
- Kim, J., Lau, L. (1994). The sources of economic growth of the East Asian newly industrialized countries. *Journal of the Japanese and International Economies* **8**(3), 235–271. DOI: 10.1006/jjie.1994.1013
- Kogan, T., Salganik-Shoshan, G. (2015). Corporate governments: Government connections of public oil and gas companies. *Corporate Ownership & Control* **12**(4), 286–302. DOI: 10.22495/cocv12i4c2p5
- Levin, S., Sablin, K. (2020). Russian economy as a pyramid of wealth enclaves: Political economy approach. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* **13**(4), 538–546. DOI: 10.17516/1997-1370-0587
- Luong, P., Weinthal, E. (2010). *Oil is Not a Curse: Ownership Structure and Institutions in Soviet Successor States*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mahdavy, H. (1970). The patterns and problems of economic development in rentier states: The case of Iran. In: Cook, M. (ed.) *Studies in Economic History of the Middle East*. London: Oxford University Press, pp. 428–467.
- Mehrara, M. (2009). Reconsidering the resource curse in oil-exporting countries. *Energy Policy* **37**(3), 1165–1169. DOI: 10.1016/j.enpol.2008.10.040
- Morrison, K. (2009). Oil, nontax revenue, and the redistributive foundations of regime stability. *International Organization* **63**(1), 107–138. DOI: 10.1017/S0020818309090043
- Noreng, Ø. (2022). *The Oil Business and the State: National Energy Companies and Government Ownership*. New York: Routledge.
- Ovtchinnikov, A., Pantaleoni, E. (2012). Individual political contributions and firm performance. *Journal of Financial Economics* **105**(2), 367–392. DOI: 10.2139/ssrn.1732750
- Ploeg van der, F. (2011). Natural resources: Curse or blessing? *Journal of Economic Literature* **49**(2), 366–420. DOI: 10.1257/jel.49.2.366
- Rajan, S. (2011). Poor little rich countries: Another look at the “resource curse”. *Environmental Politics* **20**(5), 617–632. DOI: 10.1080/09644016.2011.608530
- Ross, M. (2015). What have we learned about the resource curse? *Annual Review of Political Science* **18**, 239–259. DOI: 10.1146/annurev-polisci-052213-040359

- Sablin, K., Kislitsyn, D. (2022). Personal sanctions as a proxy for political connections: Evidence from Russia. In: *GSOM Emerging Markets Conference 2022*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Graduate School of Management, pp. 29–31.
- Schmoll, M., Swenson, G. (2023). Avoiding the political resource curse: Evidence from a most-likely case. *Studies in Comparative International Development* 1–29. DOI: 10.1007/s12116-023-09398-9
- Schoenherr, D. (2019). Political connections and allocative distortions. *The Journal of Finance* **74**(2), 543–586. DOI: 10.1111/jofi.12751
- Smith, B. (2004). Oil wealth and regime survival in the developing world, 1960–1999. *American Journal of Political Science* **48**(2), 232–246. DOI: 10.2307/1519880
- Sunkel, O. (1972). Big business and «Dependencia»: A Latin American view. *Foreign Affairs* **50**(3), 517–531.
- Tarmizi, N., Brahmana, R. (2022). The political connections and firm performance on Global Fortune 500 Oil and Gas Companies. *Malaysian Journal of Social Sciences and Humanities (MJSSH)* **7**(7), e001622-e001622. DOI: 10.47405/mjssh.v7i7.1622
- Tordo, S., Tracy, B., Arfaa, N. (2011). National oil companies and value creation. *World Bank Working Paper* 218, 148 p.
- Trifonov, D. (2021). Political connections of Russian corporations: Blessing or curse? *Journal of Behavioral and Experimental Finance* **29**, 100458. DOI: 10.1016/j.jbef.2021.100458
- Tsui, K. (2011). More oil, less democracy? Evidence from worldwide crude oil discoveries. *The Economic Journal* **121**(551), 89–115. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2009.02327.x
- Wang, R., Tan, J., Yao, S. (2021). Are natural resources a blessing or a curse for economic development? The importance of energy innovations. *Resources Policy* **72**, 102042. DOI: 10.1016/j.resourpol.2021.102042
- Wong, W., Hooy, C. (2018). Do types of political connection affect firm performance differently? *Pacific-Basin Finance Journal* **51**, 297–317.
- Wright, J., Frantz, E., Geddes, B. (2015). Oil and autocratic regime survival. *British Journal of Political Science* **45**(2), 287–306. DOI: 10.1017/S0007123413000252
- Yang, J., Rizvi, S., Tan, Z., Umar, M., Koondhar, M. (2021). The competing role of natural gas and oil as fossil fuel and the non-linear dynamics of resource curse in Russia. *Resources Policy* **72**, 102100. DOI: 10.1016/j.resourpol.2021.102100

## Приложение

## Литература по политическим связям компаний и крупных предпринимателей в странах с разным уровнем дохода

Мера для политических связей	Страна	Эффект	Статья
<i>Страны с высоким уровнем дохода</i>			
Пожертвования на избирательные кампании политиков	США	Улучшение операционной деятельности фирм в отраслевых кластерах; рост стоимости акций компаний после объявления о выдвижении в совет директоров лица с политическими связями	Ovtchinnikov and Pantaleoni, 2012; Goldman et al., 2009
Личные связи политика	США	Объявление Т. Гайтнера кандидатом на пост министра финансов в 2008 г. привело к росту капитализации компаний, с которыми он ранее был связан (6% после первого полного дня торговли и около 12% после десяти торговых дней). После появления новостей о том, что назначение может быть сорвано из-за проблем с уплатой налогов, компании, обладающие политическими связями, испытали падение капитализации	Acemoglu et al., 2016
Пассивные связи (компании, действующие в округах, от которых избрался политик) и активные связи (найм директоров из числа бывших государственных служащих и финансирование избирательных кампаний)	США	Фирмы с политическими связями с большей вероятностью будут получать финансирование	Duchin and Sosyura, 2012
Личные связи членов правления компании	США	Стоимость банковских кредитов значительно ниже для компаний, члены правления которых имеют политические связи (кредиторы взимают более низкие ставки, потому что они признают, что связи повышают кредитоспособность заемщика). Политические связи снижают вероятность ограничения капитальных затрат или требования ликвидности, установленного банками при выдаче кредита. Политические связи увеличивают стоимость компаний и снижают затраты на мониторинг и кредитный риск, с которыми сталкиваются банки, что, в свою очередь, уменьшает стоимость долга для заемщика	Houston et al., 2014
Найм директоров, обладающих политическими связями; взносы в избирательные кампании и лоббирование	США	Фирмы с политическими связями более агрессивны в отношении уплаты налогов, чем фирмы без политических связей, после учета фиксированных эффектов отрасли и года, а также эндогенного выбора. Выводы устойчивы к различным показателям политических связей и налоговой агрессивности	Kim and Zhang, 2016
Корпоративное лоббирование	США	Фирмы с более высокими потенциальными выгодами от благоприятной политики и правил лоббируют наиболее активно, и менеджеры часто используют каналы участия в кампаниях, чтобы воздействовать на политический климат, влияющий на фирму. Акционеры ценят лоббистскую деятельность, проводимую руководством от их имени	Hill et al., 2013

Решения о найме, позволяющие помочь политику переизбраться за счет более высоких показателей создания рабочих мест	Франция	Отрицательное влияние на прибыльность компаний	Bertrand et al., 2018
Политики, входящие в совет директоров	Италия	Политики, занимающие руководящие должности в совете директоров, оказывают негативное влияние на производительность и кредитование банков	Carretta et al., 2012
Семейные связи предпринимателей с политиками на местном уровне	Дания	Политические связи повышают операционную прибыль фирм, особенно в отраслях, в значительной степени зависящих от проведения государственных закупок	Amore and Bennedsen, 2013
Личные связи политика	Корея	После победы на выборах новый президент назначает лиц, имеющих политические связи генеральными директорами государственных фирм, которые выступают в качестве посредников при распределении государственных контрактов между частными фирмами. В свою очередь, эти государственные фирмы выделяют значительно больше контрактов на закупку частным фирмам с генеральным директором из той же сети лиц, обладающих политическими связями	Schoenherr, 2019
<i>Страны с уровнем дохода выше среднего</i>			
Личные связи членов совета директоров	Малайзия	Увеличение прибыльности фирм	Wong and Hooy, 2018
Личные связи предпринимателей	Китай	Политические связи фирм позволяют снижать издержки за счет более низкой безопасности для работников (уровень смертности работников в компаниях, имеющих политические связи в два-три раза выше, чем в фирмах, не обладающих связями)	Fisman and Wang, 2015
Пожертвования на избирательную кампанию	Бразилия	Бразильские фирмы, которые вносили пожертвования (избранным) федеральным депутатам, получали более высокую доходность акций чем фирмы, которые не участвовали в выборах 1998 и 2002 гг.	Claessens et al., 2008
Личные связи членов совета директоров, чиновники в составе совета директоров, личные связи владельцев	Россия	Политические связи имеют общий деструктивный эффект, который является статистически значимым и устойчивым: фондовый рынок реагирует на сообщения о политических связях падением котировок акций в среднем на 1,34% в течение 5 торговых дней. Наиболее негативное влияние на стоимость фирмы оказывают владельцы, имеющие политические связи. Фондовый рынок реагирует на приобретение акций владельцами с политическими связями падением цен на акции на 1,82% в течение 5 торговых дней и падением цен на акции на 4,3%, когда владельцами с политическими связями были физические лица	Trifonov, 2021
Личные связи собственников с политиками	Россия	По мере централизации российской политики и усиления федеральной исполнительной власти в 2000-е гг. бизнесмены, имеющие неформальные связи с федеральной исполнительной властью, увеличивали свои состояния гораздо быстрее, чем все остальные, включая тех, у кого были связи любого другого типа	Grigoriev and Zhirkov, 2020

Вхождение компаний в крупнейшие бизнес-группы	Россия	Аффилированность компании с одной из крупнейших бизнес-групп увеличивало вероятность включения компании в «Перечень системообразующих организаций», что позволяло компании снизить стоимость привлечения капитала	Кислицын, 2013
Чиновники в совете директоров компаний	Россия	Присутствие государственных служащих в советах директоров больше соответствует идеальному типу отношений «сговор» между фирмами и государством, чем идеалу управленческой дисциплины или извлечения ренты. Государство направляет директоров в фирмы, которые не только извлекают ресурсы из государства, но и предоставляют ему важные преимущества и услуги	Frye and Iwasaki, 2011
<i>Страны с уровнем дохода ниже среднего</i>			
Личные связи членов советов директоров и наблюдательных советов	Индонезия	Компании с политическими связями с имеют более низкую стоимость заемного и акционерного капитала	Joni et al., 2020
Личные связи членов советов директоров и наблюдательных советов	Индонезия	Фирмы, придерживающиеся стратегии политических связей, имеют относительно более низкую стоимость долга	Arifin et al., 2020
Участие директора фирмы в выборах	Пакистан	Фирмы с политическими связями получают преференциальный режим в государственных банках: занимают на 45% больше, а доля дефолтов выше на 50%. Частные банки не предоставляют никаких политических льгот.	Khwaja and Mian, 2005

*Источник:* составлено авторами на основе анализа литературы